

КОДЫ РУССКОГО АВАНГАРДА В ЛИРИЧЕСКИХ ЦИКЛАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ 1920-х ГОДОВ

У статті аналізуються ліричні цикли М. Цветаєвої в аспекті авангардної естетики. Осмислюється ряд чинників, що визначають зближення поетичної системи М. Цветаєвої 1920-х років з парадигмою російського Авангарду.

Ключові слова: авангардна естетика, словотворення, сугестія, перформативність, метаморфоза.

В статье анализируются лирические циклы М. Цветаевой в аспекте авангардной эстетики. Вычленяется ряд факторов, определяющих сближение поэтической системы М. Цветаевой 1920-х годов с парадигмой русского Авангарда.

Ключевые слова: авангардная эстетика, словотворчество, суггестия, перформативность, метаморфоза.

The article analyzes the lyric cycles of M. Tsvetaeva in the aspect of Advance-guard aesthetics. The row of factors are exarticulated determining rapprochement of the poetic system of M. Tsvetaeva 1920-th years with the paradigm of Russian Advance-guard.

Key words: vanguard aesthetics, word creation, suggestion, performativity, metamorphosis.

Актуальность поставленной проблемы обусловлена пристальным вниманием современного литературоведения к феномену сближения художественных систем поэтов Серебряного века, прямо не позиционирующих себя в качестве авангардистов, с эстетикой русского Авангарда.

Многие цветаеведы отмечают сближение поэтики М. Цветаевой с Авангардом (О. Клинг [2; 3], Н. Осипова [4], Е. Фарыно [5], Е. Эткинд [8] и др.). Эта тенденция в творчестве поэтессы проявилась уже в «Лебедином стане» (1917–1920 гг.), «с одной стороны, ориентирующемся на фольклор, а с другой – на рваный ритм и строй авангарда...» [2, с. 110]. Исследователи предлагают различный инструментарий, помогающий выявить степень освоения поэтессой эстетики и аксиалогии Авангарда. Но до сих пор в достаточной мере не сфокусировано должное внимание на осмыслении циклов 1920-х годов,

показательных для переходной поэтики лирической системы М. Цветаевой этого периода.

Цель данной статьи — выявить степень влияния аксиологии Авангарда на формирование эстетических стратегий М. Цветаевой, реализуемых поэтессой в лирических циклах 1920-х годов.

В соответствии с заявленной целью намечены следующие **задачи**:

- рассмотреть сближение эстетической системы М. Цветаевой 1920-х годов с художественными практиками русского Авангарда;
- выявить признаки самобытности цветаевского универсума в период 1920-х годов;
- проследить проявления словотворчества, метаморфоз, суггестии в цветаевских лирических циклах данного периода.

В 1920-е годы в творчестве М. Цветаевой наиболее рельефно проявилась тенденция к освоению авангардной эстетики. М. Цветаева занимала «пограничное» положение по отношению к парадигме русского Авангарда тех лет. Согласно утверждению Е. Эткинда пристрастие М. Цветаевой к образам, воплощающим идею «стихийной силы», словотворчеству, особой ритмической организации стиха сближает «ее со всем авангардным искусством двадцатых годов» [8, с. 473]. Так безудержность и неистовость, эксплицируемые в цветаевском поэтическом универсуме, обусловили преемственность эстетики русского Авангарда.

Следует отметить, что «основной приметой русского поэтического авангарда явилось „слово — новшество”» [3]. Словотворчество позволяло сочетать элементы «зауми», равноправное введение в текст неологизмов и архаизмов, активное использование игры слов. Эта тенденция в культуре Серебряного века проявилась и в творчестве М. Цветаевой.

Обращение поэтессы в этот период к большому количеству неологизмов, архаическому пласту лексики объясняется активизацией словотворчества как одного из принципов моделирования поэтического мира, и в частности мира лирического цикла. Авторская установка М. Цветаевой на сближение слов по звуку, апелляция к их внутренней форме, игровое соотнесение

позволяет выявить архетипическую сущность понятий. Кроме того, приметами авангардной поэтики М. Цветаевой становятся идеи метаморфоз («Марина», «Сивилла», «Ариадна»), карнавала («Москве»), игры масок («Разлука», «Скифские»).

Стремление черпать творческий потенциал, обратившись к стилизации народной речи и песенности, позволяет М. Цветаевой в цикле «Москве» 1922 года совместить изображение нарождающегося хаоса и ощущение сопричастности лирического «я» атмосфере Москвы:

Как в семнадцатом-то
Праведница в белом,
Усмежаючись, стояла
Под обстрелом.

Как в осьмнадцатом-то
— А? — следочком ржавым
Всех сынов своих искала
По заставам.

Лирическая героиня прощается с Москвой, и прощание превращается в опевание погибших. В цикле развивается, разработанная и осмысленная М. Цветаевой ранее в «Лебедином стане», тема всепрощения и смерти, уравнивающей всех.

Поклонись, глава, могилкам
Бунтовщицким.

(Тоже праведники были,
Были, — не за гривну!)
Красной ране, бедной праведной
Их кривде...

Гибель «братьев» заставляет лирическую героиню разорвать свою генетическую связь с Москвой. Возникает смысловая оппозиция, противопоставляющая грешницу-Москву, забывшую о своем материнском долге, гибели «сынов», получивших после смерти мученический статус и праведность:

Вот за тех за всех за братьев
— Не спокоюсь! —
Прости, Иверская Мати!
Отрекаюсь.

Цикл «Сивилла» можно назвать знаковым в лирике М. Цветаевой. Период написания этого произведения, будучи началом эмиграции, стал переломным в судьбе поэтессы. Не менее важно и то, что цикл «Сивилла» может расцениваться в качестве поэтического манифеста.

Образ мифологической пророчицы выбран М. Цветаевой как наиболее точно отражающий ее концепцию творческого субъекта, мифологему собственной личности, а также эмоциональное состояние, владевшее поэтессой в период создания цикла.

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.
Все птицы вымерли, но Бог вошел.

Вследствие метаморфозы Сивилла отождествляется с горящим деревом, что символизирует жертвенность взамен приобщения к трансцендентному.

Сивилла: выбыла, сивилла: зев
Доли и гибели! — Древо меж дев.

Последняя стадия метаморфозы — превращение Сивиллы во вместилище божественного голоса.

Сивилла: вещая! Сивилла: свод!
Так Благовещенье свершилось в тот
Час не стареющий, так в седость трав
Бренная девственность пещерой став
Дивному голосу..

— так в звездный вихрь
Сивилла: выбывшая из живых.

Аллюзия на сакральность и связь с Богом проявляется в упоминании Благовещенья. М. Цветаева сознательно контаминирует языческую пророчицу и Богородицу. Отказ от земного счастья взамен обретения медиального статуса признается «Благовещением». История болевого преобразования Сивиллы — метафора пути поэта.

Цикл «Скифские», написанный в 1923 году, характеризуетя явным тяготением художественного мышления М. Цветаевой к авангардной аксиологии.

Само название цикла — знак преемственности авангардных тенденций в творчестве поэтессы. Как отмечает Л. Зубова:

«Скифия в русской культуре начала XX века стала метафорическим образом России как дикого поля, что наиболее ярко выражено в поэме А. Блока «Скифы» <...> Особенно продуктивным скифский миф оказался в самосознании, поэтике и творческом поведении футуристов...» [1].

М. Цветаева далеко не первая кто, разрабатывая тему Скифии, обратил внимание на соответствие пассионарности и неуспокоенности духа кочевническому образу жизни скифов и их стремлению к неограниченной свободе. В культуре Авангарда «скифство» осознавалось «не как тема и даже не как парадигма, а как общая стихия творчества» [6, с. 312]. М. Цветаева включает в свою модель мира «основные параметры скифского мифа — воинственный и жертвенный дух, духовный максимализм, порой доходящий до экстремизма; стихия, смывающая все культурные ограничения во имя нового творческого очищения» [6, с. 315].

Главная тема цикла «Скифские» — поэтический дар и особая иноприродность поэта. Доминантная характеристика Скифии в истолковании М. Цветаевой — стремительность, наделяющая и лирическое «я» сопричастностью движению:

Из недр и ветвь — рысями!
Из недр и на ветр — свистами!

Гусиным пером писаны?
Да это ж стрела скифская!

Крутого крыла грифова
Последняя зга — Скифия!

Идея быстроты претворена в образе скифской стрелы, который можно интерпретировать не только как знак пронзенности, послания или же атрибут колдовского действия, но и как аллюзию поэтического дара. Поэтический дар соотносится с идеей избранности поэта и обжигающим, ранящим преобразованием. Образ стрелы, реализуя идею стремительности, указывает на отточенность поэтического слова и возможность преодолевать любые расстояния и запреты. Стрела символизирует полет, устремленность ввысь, что в авторском мифе М. Цветаевой знаменует экзистенцию поэта.

Второе стихотворение цикла имеет отдельное название «Колыбельная», что задает мотив сна, центрирующий лирический сюжет, отсылая к образу спящего собеседника. Сон становится возможностью перехода в иной мир, приобщения к неведомой одухотворяющей силе, но именно сон — защита от часто мучительной избранности поэта.

В варьирующемся на протяжении всего стихотворения рефрене представлен авангардный принцип словотворчества. М. Цветаева создает неологизм, который должен выразить невыразимое — передать многозначную сущность поэтического дара, превращающего поэта в сновидца:

Дыши да не дунь,
Гляди да не глянь.
Волынь-криволунь
Хвалынь-колывань.

В цветаевском цикле слово-символ «Хвалынь» выступает как своего рода заклинательная формула, соответствуя околдовыванию и одновременному снятию чар. С другой стороны «Хвалынь» соотносится с древнерусским обозначением Каспийского моря, носившего название Хвалынского. Итак, «Хвалынь» становится указанием Скифии и моря.

Суггестивное воздействие колыбельной может быть направлено на сознание коммуникативного партнера, на потенциального читателя и восприниматься как самоустановка, позволяющая войти в измененное состояние сознания. Лирическая героиня — поэт, слышащий наставления своего божественного вожакого и выполняющий функцию транслятора.

Итак, сближение поэтической системы М. Цветаевой 1920-х годов с авангардной парадигмой определяют: 1) эксперименты в области языка — словотворчество, ритмический перебив, рваный ритм, стилизация народной речи; 2) метаморфоза, фиксирующая различные трансформации и изменения сознания лирического «я»; 3) наличие перформативного и суггестивного элементов, позволяющих моделировать заклинательный характер стихотворений. Коммуникативный партнер должен быть околдован, а лирическое «я» пережить состояние преображения, метаморфозы или экстаза.

В данной статье на материале циклов М. Цветаевой 1920-х годов изучено влияние кодов русского Авангарда на эстетические стратегии поэтессы. Такой подход предлагает возможный вариант решения проблемы преемственности и переосмысления художественных практик русского Авангарда в лирике М. Цветаевой 1920-х годов, открывая **перспективы дальнейшего исследования**.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зубова Л. В. Цикл Марины Цветаевой «Скифские» — послание Борису Пастернаку [Электронный ресурс] / Л. В. Зубова. — Режим доступа к ист. : <http://www.ipmce.su/~tsvet/WIN/zubova/skif.html>
2. Клинг О. А. Поэтический стиль М. Цветаевой [в помощь преподавателям, старшеклассникам, абитуриентам] / О. А. Клинг. — М. : МГУ, 2001. — 112 с.
3. Клинг О. Три волны Авангарда [Электронный ресурс] / О. А. Клинг // Арион. — 2001. — № 3. — Режим доступа к ист. : <http://magazines.russ.ru/arion/2001/3/klng-pr.html>
4. Осипова Н. О. «Поэма воздуха» М. И. Цветаевой в контексте художественно-эстетических исканий русского авангарда / Н. О. Осипова // «Поэт предельной правды чувства» [Материалы первых международных цветаевских чтений] / [под общ. ред. А. И. Разживина]. — Елабуга, 2002. — С. 28–38.
5. Фарыно Е. Два слова о Цветаевой и авангарде [Электронный ресурс] / Е. Фарыно. — Режим доступа к ист. : <http://www.m-m.sotcom.ru/6-7/faryno.htm>
6. Фещенко В. В. Внутренний опыт революции в русской поэтике / В. В. Фещенко // Семиотика и Авангард : [антология] / [под общ. ред. Ю. С. Степанова]. — М. : Академический Проект; Культура, 2006. — С. 286–345.
7. Цветаева М. Собрание сочинений : в 7 т. / [сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц, Л. Мнухина] / М. Цветаева. — М. : ТЕРРА; Книжная лавка — РТР, 1997.
8. Эткинд Е. Путь к России. О сборнике Марины Цветаевой «Ремесло» / Е. Эткинд // Марина Цветаева в критике современников : в 2 ч. — М. : Аграф, 2003. — Ч. 2: 1942–1987 годы. Обреченность на время. — С. 459–476.